

ГОСТИНИЦА «Москва», что в самом центре столицы, опустела в первые же тревожные дни. Окна просторных холлов были завешены плотной синей бумагой. Исчезли ковры и дорожки. Шаги немногих постояльцев глухим эхом отдавались в номерах, расположенных по обе стороны длинных и узких коридоров, скупо освещенных синими маскировочными лампочками.

В годы войны у меня не было постоянного места жительства. Я ездил на фронт, преимущественно Калининский, и возвращался в Москву по вызову Всесоюзного радио. Ездил в Чкалов, Свердловск. И опять фронт. Опять Москва. В эти годы гостиница «Москва» была моим родным домом. Неуютная, затемненная, холодная, она казалась нам раем земным по сравнению с суровым фронтовым бытом.

Но с каждым приездом в Москву что-то менялось. В тысяча девятьсот сорок третьем все было так же спартански сурово, но поведение дежурных, администраторов, коридорных и горничных, настроение жильцов и даже эхо шагов становились иными, мажорными, что ли. Народу в гостинице прибавилось, быт как-то устоялся. У меня увеличился список фронтовых друзей, заходивших на огонек.

Я рассказываю подробно о нашем военном быте, чтобы легче восстановить обстановку, в которой мы жили и работали, деля время между фронтовыми поездками, концертами в тылу, работой на радио, встречами с авторами, ночными мучениями у расстроенного гостиничного рояля и длинными беседами с друзьями, точно так же ненадолго приезжавшими в Москву по дороге с одного фронта на другой. Война шла к концу. Стены гостиницы «Москва» сотрясались по вечерам не от лая зениток, а от салютов победоносным войскам. Торжествующий голос Левитана читал по радио не только сводки Совинформбюро, но и приказы Верховного Главнокомандующего о присвоении частям и соединениям Советской Армии гвардейских

званий и названия освобожденных городов.

В Москву приехал Алексей Фатьянов, с которым в то время я очень много работал. Он получил краткосрочный отпуск после того, как одним из первых ворвался на танке в венгерский город Секешфехервар. В этот приезд он привез новые стихи и читал мне их всю ночь напролет, перемежая стихи рассказами о фронтовых делах.

Вот тогда-то я услышал лирическое стихотворение о соловьях. Я не спал после этого дня два — не мог сладить с необычайным волнением, охватившим меня. Еще шла война, еще лилась кровь, и наши советские

В холле двенадцатого этажа мы начали концерт. Где-то в глубине импровизированного зала, помню о служащих, сидели несколько военных, проживающих в гостинице. Фатьянов читал стихи, я пел свои песни. Дошел черед и до «Соловьев». Я начал так, как это и было написано у Фатьянова:

Соловьи, соловьи,
не тревожьте ребят,
Пусть ребята
немного поспят...
Пришла и к нам
на фронт весна,
Ребятам стало не до сна...

Концерт прошел хорошо. Исполнители любят аплодисменты, но, признаюсь, слезы на глазах многих слушателей мне были милее всяких аплодисментов.

Когда кончился концерт и все поднялись со своих мест, ко мне подошел высокий,

В. СОЛОВЬЕВ - СЕДОЙ,

лауреат Ленинской премии, народный артист СССР

СОЛОВЬИ

парни гибли на полях сражений. Победа была уже близка, она была неотвратима, и тем ужаснее в своей жестокости были человеческие жертвы. Умирать всегда тяжело. Вдвойне тяжело умирать накануне победы, не дождавись ее торжества.

Мы много говорили об этом, и вдруг... соловьи, лирика...

Но я уже знал, что в самые трудные часы, в самые тяжелые дни, в самое суровое время солдату нужна разрядка. Нужны, конечно, рассказы о мужестве, о героизме, но нужна и лирика.

И так уж подучилось, что в один присест я написал песню. Написал, спел сам для себя своим хриплым композиторским голосом. Вроде получилось, но сомнения не покидали меня. И тут Фатьянов изрек: «Давай проверим на публике». Я не сразу понял, о какой публике идет речь, но затем, после короткой и, как говорится, плодотворной дискуссии, мы решили организовать небольшой концерт для обслуживающего персонала гостиницы.

статный военный в генеральской форме и представился:

— Генерал Соколов.

— Очень приятно, — промывал я, все еще находясь под впечатлением эмоционального настроения слушателей.

— Вот что, Василий Павлович, — сказал генерал, — мой вам совет: замените вы в первой строке слово «ребята» словом «солдаты». Так будет лучше.

Я возразил, что, мол, солдат — это слово какое-то старое. За годы войны мы привыкли к слову «боец», а слово «ребята» — нормальное слово. Теплое, сердечное, душевное.

Генерал не сдавался. Он разъяснил, что теперь понятия немного сместились и слово «солдат» обрело свой истинный, достойный, почетный смысл, что все мы, независимо от воинских званий, занимаемых должностей и знаков различия, — все мы солдаты героической Советской Армии.

— А песня-то у вас получилась замечательная, — сказал он в заключение.

Так «Соловьи» получили генеральское «добро». Послушались мы генерала не потому, конечно, что Фатьянов был, кажется, в сержантском звании, а стало быть, по военным законам должен был стоять перед генералом по стойке «смирно». (А я вооб-

ще звания не имел. Был, правда, случай, когда какой-то писарь, оформляя мне проездные документы, на соответствующих строчках казенного бланка написал мою фамилию и инициалы, а против графы «звание», подумав и почесав затылок, добавил: «начальник песенного довольствия».)

Поспорив с Фатьяновым часа два, мы нашли наконец компромиссное решение. Через несколько дней Всесоюзное радио уже передавало эту песню, и началась она, вопреки традиции, с припева:

Соловьи, соловьи,
не тревожьте солдат,
Пусть солдаты
немного поспят...
А дальше шел куплет:
Пришла и к нам
на фронт весна,
Ребятам стало не до сна —
Не потому,

что пушки бьют,
А потому, что вновь поют,
Забыв, что здесь идут бои,
Поют шальные соловьи.

Во втором куплете вновь по совету генерала Соколова мы слегка отредактировали текст:

Ну что война для соловья —
У соловья ведь жизнь своя.
Не спит солдат,

припомнив дом
И сад зеленый над прудом,
Где соловьи всю ночь поют,
А в доме том солдата ждут.

Но мне, да и Фатьянову уж очень нравилось слово «ребята». Не могли мы от него начисто отказаться. И вот после третьего заключительного куплета мы вернулись к первоначальному варианту.

Соловьи, соловьи,
не тревожьте солдат,
Пусть солдаты
немного поспят...

Это была дань генералу. Но затем следовали строки:

Соловьи, соловьи,
не тревожьте ребят,
Пусть ребята
немного поспят...

Когда через несколько дней я приехал в одну из воинских частей и начался концерт, из зала дружно крикнули: «Соловьи!» Песня быстро докатилась до передовой. Поют ее и поныне. Однако мало кто знает, что в этой песне у нас с Фатьяновым был первый редактор — генерал Соколов и первая публика — обслуживающий персонал гостиницы «Москва».